связать ее с жизненным опытом, запечатлеть ее в образах своего знаменитого „Поучения“» (Романов, стр. 128). Отметим, что попытки связать с жизненным опытом психологические суждения, советы, запреты делались и в сборниках дидактических афоризмов, когда общие выводы иллюстрировались рассказами из жизни философов, писателей или исторических деятелей (см. выше, стр. 49).

* * *

Примером использования человековедческих наблюдений учительной литературы является одно из самых своеобразных произведений русской литературы старшего периода — «Слово» Даниила Заточника. Уже общая установка автора, стремящегося возбудить сочувствие князя к Даниилу Заточнику («не зри внешняя моя, зри внутренняя моя»), приглашает присмотреться к душевному миру героя, учесть его способности и отношение к службе у князя, оценить его как личность, несмотря на бедственное положение, в каком он очутился. Это первый «страдающий» герой русской литературы, которому автор и сам сочувствует, и приглашает читателей к состраданию ему.

Изображение характера и взглядов Даниила Заточника не укладывается в рамки господствовавших стилей XII—XIII вв. — ни стиля монументального историзма XI—XIII вв., так ярко и убедительно раскрытого в монографии Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси» (стр. 25—62), ни современного ему агиографического стиля. Не обнаруживаются в «Слове» и черты эпического стиля, охарактеризованные Д. С. Лихачевым на основании памятников русской литературы XI—XIII вв. (там же, стр. 62—71). Зато связь приемов изображения «внутреннего» мира Даниила Заточника с учительной литературой и «мирскими притчами», т. е. с учительным же жанром народного творчества, обнаружена исследователями давно.

Автор «Слова» не скрывает своего знакомства с книжными источниками своего повествования: «Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвеный сот; тако и аз, по многим книгам исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морскиа» («Слово» Даниила Заточника, стр. 33). Прямые литературные источники автора определяются без труда.[51] Какие же цели преследовал автор, собирая «сладость словесную и разум» «по многим книгам»?

Основная цель находящегося в бедственном положении автора — вызвать сочувствие князя, приблизиться к нему, завоевать его доверие. Чем же убеждает он князя в ценности своей личности? Сначала Заточник в общей форме утверждает, что ум дороже богатства: «Господине мои, не лиши хлеба нища мудра, ни вознеси до облак богата несмыслена. Нищь бо мудр аки злато в кални судни; а богат красен и не смыслить, то аки паволочато изголовие, соломы наткано». Затем это суждение он прилагает к себе: «Господине мой! — обращается Даниил к князю. — Не зри внешняя моя, но возри внутреняя моа. Аз бо, господине, одением оскуден есмь, но разумом обилен; ун възраст имею, а стар смысл во мне. Бых мыслию паря, аки орел по воздуху» («Слово» Даниила Заточника, стр. 21, 22). Эта высокая оценка ума («смысла»), который дороже всего — богатства, «злата и сребра», внушалась уже Библией в обеих

[51] См.: П. Миндалев. «Моление» Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.